

И. М. ДЬЯКОНОВ

К МЕТОДИКЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ («КИММЕРИЙЦЫ»)

В нашей исторической науке иной раз встречается недифференцированный подход к исследованию проблем этногенеза, что ведет к существенным упрощениям. Между тем к этногенезу следует подходить с точки зрения (I) антропологической (выявление основной массы биологических предков народа и антропологических меньшинств в его составе; чаще всего оказывается, что со времени бронзового века или даже неолита популяция исследуемой области мало менялась в антропологическом отношении), (II) историко-культурной (выявление генезиса как материальной культуры, включая экономическую деятельность, так и культуры духовной, в том числе религии) и (III) языковой (выявление генезиса языка данного этноса, народности, нации и т. п.). Как общее правило, решение этногенетического вопроса будет совершенно различным в зависимости от того, какой из этих трех подходов мы выберем. В настоящем докладе мы подойдем к вопросу об этническом отождествлении киммерийцев с третьей (языковой) и лишь косвенно со второй (историко-культурной) точки зрения.

1. Об иноназваниях и самоназваниях

Нет ничего более наивного, чем мнение – очень распространенное к сожалению, не только среди дилетантов – о том, что упоминание в исторических источниках какого-либо народа уже само по себе является материалом для отождествления этноса и для дальнейших этнографических выводов и что первое упоминание в источниках какого-либо этнонима есть показатель времени сложения данного народа.

В нашем случае, как и в любом аналогичном, прежде всего желательно установить, являлся ли термин «киммерийцы»

– *самоназванием* некоторого определенного социума (племени, группы внутри племени, или племен, племенного союза, или популяций, объединенных по какому-либо иному принципу), или же это было

– название, применявшееся только соседями (ниже мы будем для краткости применять термин «*иноназвание*»); и если да, то относилось ли оно:

а) к разнородным в языковом и генетическом отношении популяциям, например объединенным (1) по признаку одинакового или похожего образа жизни (например, «индейцы») или (2) по признаку взаимной понятности или непонятности языка (и культуры, например: «эллины» – «варвары», «словѣне» – «нѣмцы»), или же оно относилось

б) к какому-либо более четко выделяемому, индивидуализируемому социуму. В последнем случае иноназвание могло быть дано народности, группе племен, племенному союзу в целом (1) по только одному, ранее других сделавшемуся известным компоненту этноса (например, франц. *allemands* «немцы» – по одному из германских племен – аламаннам; латыш. *krievs* «русский», букв. «кривич» – по ближайшему восточнославянскому племени; фин. *Venä* «Россия» – по названию одной части славянских племен – вендов; *Ruotsi* «Швеция» – по племени *ros*, обитавшему на западном берегу Ботнического залива и оставившему после себя обозначение области *Roslagen*, букв. «область действия веча племени *ros*», и т. д.); (2) по названию мнимых или действительных прежних обитателей данного ареала; по названию действительных прежних обитателей ареала названа, например, «Британия» – от исчезнувших, вытесненных англосаксами племен кельтов-бриттов, остатком которых являются нынешние уэльсцы в Англии и бретонцы во Франции; (3) по бывшей (часто очень недолгой) политической зависимости, например «Франция», «Нормандия» – по имени племен (франков и норманнов), в раннем средневековье давших стране свою династию; (4) по географическому расположению (например, аккад. *amurpū* «западные семиты», букв. «западные»); (5) по предполагаемому или действительному вождю или предку-эпониму, например «Азербайджан» < др.-мид. *Āturpātakān* – от имени Атропата, правителя IV в., впервые создавшего в этом районе крупное независимое государство – др.-иран. *Āturpāta*; (6) по случайным обстоятельствам, например, «Америка» – по имени Америго Веспуччи; этноним-иноназвание «индейцы» (результат географической ошибки Колумба); наконец, (7) как заимствование самоназвания – случай наиболее распространенный в наше время, но сравнительно редкий в древности (так, римляне называли остров «Британией» – по действительно обитавшим там тогда племенам бриттов).

Только в тех случаях, когда нам достаточно подробно известны обстоятельства возникновения иноназвания, может оно дать нам сколько-

нибудь ценную этногенетическую информацию. В частности, для того чтобы *иноназвание* могло бы нам дать сведения о действительном распространении в древности того или иного этноса, т. е. как о его языковом, так и культурном ареале, нужно, чтобы ареал распространения *иноназвания* был бы подтвержден его совпадением с ареалом распространения о д н о г о определенного языка или хотя бы и нескольких диалектов, но с единым общим самоназванием, а если помимо языкового генезиса нас интересует и генезис культурный, то необходимо совпадение и ареала иноназвания, и ареала самоназвания с ареалом определенной *археологической культуры*. Такие совпадения в древней истории, надо сказать, весьма редки.

Если мы вернемся к самоназваниям, то обнаружим, что они давались по тем же основаниям, которые мы перечислили выше для иноназваний. Например, по противопоставлению понятного языка и культуры непонятым: «словѣне» в противоположность «нѣмцам»; нем. Deutsch (из др.-герм. *teutisk-* «народный», т. е. «нашего народа»); по одной части целого ареала: «украинцы» («Украиной», т. е. «окраиной», первоначально называлась только небольшая часть нынешней украинской территории); арм. **haṙo-*, *haṙ-kʻ* «армянин», «армяне», как нам представляется, восходит через протоармянскую форму **Nātij-os* к урартскому *ḫāti-* – «житель области к западу от Евфрата» (более раннее значение – «хетт», еще более раннее – «житель протохеттского города Хатти, или Хаттусы»); фин. *Suomi* «Финляндия» – по одному из полудесятка древнефинских племен (в древнерусской летописи «сумь»); швед. *Sverige* «Швеция» – тоже по одному лишь из древнешведских племен – *свеям*, в то время как были еще *сканы*, *гауты*, *росы*, *ямты* и др.; по прежним обитателям: англ. *British*; по кратковременно правившей иноязычной династии: франц. *France*, болг. *България*; по географическому расположению: норв. *Norge* «Норвегия» – от древнего *Nordvegr* «северный путь»; по конкретному лицу-эпониму: узб. *Ўзбек*, «узбек» – по хану Узбеку; по случайным обстоятельствам: «Зимбабве» – самоназвание народа по имени археологического городища и археологической культуры на территории этого народа. Нет только по понятным причинам самоназваний по признаку общности образа жизни с каким-либо другим народом.

Таким образом, если мы можем установить, что некоторый этноним являлся самоназванием, и определим ареал его употребления, то мы тем самым выделяем некий исторический социум, и это, конечно, ценная информация. Но если нам известно одно только *з в у ч а н и е* этнонима, то независимо от того, похоже ли это звучание на какое-либо другое древнее или нынешнее название этнической единицы, информацию, полученную

нами, можно практически считать нулевой. Имея достоверное самоназвание и представление об ареале его распространения, историк может получить дополнительные сведения, установив обстоятельства возникновения самоназвания и его перехода с части этноса на целое или даже с одного этноса на другой и т. п. Лингвист же может получить дополнительную информацию, произведя сравнительно-исторический анализ тех форм, в которых данное самоназвание-этноним дошло до нас через различное посредство, причем речь идет не только о посредничестве, исторически засвидетельствованном в письменных источниках: в распоряжении современного лингвиста есть методы, позволяющие обнаружить и ранее не предполагавшихся или неизвестных языковых посредников. При этом лингвистические данные при правильном применении методики могут оказаться не менее, а даже более достоверными, чем известия текстовых памятников, обычно используемых историком. Дело в том, что любой текст, попавший в руки историка, при своем создании всегда имел определенное целевое назначение, а потому не является вполне объективным; языковые же изменения – процесс естественноисторический, а потому получаемая из них информация объективна вполне.

Попытаемся проиллюстрировать часть изложенных положений на материале одного примера – этнического названия «киммерийцы».

2. Известия о киммерийцах

Термин «киммерийцы» появляется в древних текстах, по-видимому с VIII в. до н. э., в трех вариантах¹:

1) греч. Κιμμέριοι (впервые, по-видимому, у Гомера, VIII в. до н. э.); уже для Геродота (V в. до н. э.), однако, киммерийцы были исчезнувшим народом;

2) акк. Gāmīr(a) в разведывательных донесениях царевича Синаххе-риба и одного из главных ассирийских разведчиков, Ашшуррицуа, царю Саргону II (между 721 и 715 гг. до н. э.); здесь это название «страны», т. е. самостоятельной политической единицы, которую от владений Урарту на крайнем северо-западе отделяла область Qurīāni(a); таким образом, «страна» Гāмир находилась в это время в Западной Грузии или в Лазике²;

3) акк. Gimirri, Gimirgāiu (форма зависит от аккадской флексии; обычно пишется с детерминативом страны). Впервые упоминается в связи со смертью и похоронами (?) царя Саргона II в 705 г. до н. э. (?); все более поздние клинописные упоминания «киммерийцев» содержат именно эту форму имени. Это прежде всего запросы ассирийского царя Асархаддона к оракулу, датируемые около 673 – 672 гг. до н. э. Они делятся на

две группы: одна относится к запросам, не ожидается ли нападение Урарту в союзе с киммерийцами на область Шубрию, севернее истоков р. Тигр, или нападения фригийцев или же протоармян (Muškāia) в союзе с киммерийцами на страну Мелид (Мелид, или Мелитена, до конца VIII в. до н. э. принадлежала к числу государств с династиями «иероглифической лувийской» культуры, но к VI в. до н. э. «мелитенянин» – синоним «армянина»); есть еще запрос, связанный с киммерийцами и внутренним положением в Стране Манна, к югу от оз. Урмия. Во второй группе запросов Асархаддона к оракулу киммерийцы выступают как союзники Манны и мидян в восстании, приведшем к независимости Мидии около 671 г. При чтении этой группы запросов, так же как и писем ассирийского государственного архива, связывающих «киммерийцев» с Манной, можно сомневаться, действительно ли имеются в виду именно киммерийцы, а не скифы, известные в этих местах и по Геродоту, и по археологическим находкам.

Дело в том, что хотя в этой группе памятников в качестве союзников маннеев и мидян упоминаются и киммерийцы и скифы, но там, где упомянуты скифы, за редчайшим исключением, не упомянуты киммерийцы, и наоборот. Это явление настолько частое, что то единственное исключение – сильно поврежденный фрагмент запроса к оракулу, где в неясном контексте упомянуты и те и другие, – можно приписать небрежности писца. Такая небрежность тем легче могла появиться, что сами запросы представляют собой, за исключением одной решающей фразы, длиннейшие и всегда одинаковые перечисления формул, где легко при переписке ошибиться. Конечно, нельзя отрицать того, что древние отличали киммерийцев и скифов среди подвижных конных отрядов, носившихся в VIII – VII вв. до н. э. по Передней Азии; возможно, что и на стороне мидян против Ассирии действовали и те и другие. Однако существенно иное: все запросы написаны на вавилонском диалекте аккадского языка, а во всех остальных случаях тексты на этом диалекте неизменно употребляют термин *Gimirī*, *Gimirāiu* в смысле «скифов» и даже «саков» и «масагетов». Поэтому, когда в вавилоноязычных запросах к оракулу названы скифы, то это скифы, но когда в них названы *Gimirī*, то нельзя сказать с уверенностью, скифы это или киммерийцы. Впрочем, такая ли уж это беда – к этому вопросу мы еще вернемся. Точно так же, когда вавилонская хроника упоминает войну ассирийцев с киммерийцами, мы не можем быть уверены в том, что не имеются в виду скифы. Правда, в одном случае (хроника за 679 г. до н. э.) речь идет скорее о киммерийцах, так как под тем же годом как ассирийский подданный упомянут в одном деловом документе «киммерийский начальник полка» – возможно, результат асси-

рийской победы над киммерийцами? Документ писан на ассирийском диалекте аккадского. На ассиризованном литературном вавилонском языке писаны и анналы Асархаддона, недвусмысленно отличающие «скифов» (ašguzāiu) от «киммерийцев» (gimīrāiu): первые – союзники Манны у Урмийского озера, а вторые пребывают в Каппадокии, где они находились и при сыне Асархаддона, Ашшурбанапале, пока не были разгромлены другими кочевниками – возможно, союзниками Ассирии – около 650 г. до н. э. Но до этого, как можно вывести из ряда данных, киммерийцы приняли еще участие в разгроме Фригии урартами (и Ассирией?) в 676 – 672 гг. до н. э., а затем занялись грабежом городов Малой Азии; их база в это время, надо думать, передвинулась на полуостров, в Каппадокию, в страну Gamīr-k' («*Gāmīr-) армянских источников.

После разгрома, учиненного киммерийцам их союзниками, киммерийцы исчезают со страниц истории, причем не только в Передней Азии, но и в Причерноморье. Геродот считает, что они были оттуда с самого начала вытеснены скифами, двигавшимися вспять по отношению к основному направлению движения индоиранских племен – из-за Волги в Причерноморье, и что это и послужило причиной их вторжения в Малую Азию. Шедшее за ними поколением позже конное войско скифов двигалось в Переднюю Азию – видимо, через Дагестан – без женщин и обозов; это было отмечено еще Геродотом, но почему-то упущено из виду историками, однако сейчас, с моей точки зрения, известие Геродота может быть подтверждено археологически. Можно не сомневаться, что так же точно передвигались через Кавказ и по Передней Азии и киммерийцы, что и объясняет, каким образом они исчезли после разгрома их войска. Но в таком случае их женщины оставались в Причерноморье. Что же произошло с ними? Очевидно, то же, что и с женщинами скифов: они были полностью ассимилированы местными племенами. В случае киммерийских женщин такими племенами надо, очевидно, считать скифско-скотов, т. е. скифов в собственном смысле слова, в отличие от того употребления термина «скифы», которое включает всех ираноязычных (а впоследствии и неираноязычных) кочевников степей от Дуная до Тянь-Шаня.

Больше сведений о киммерийцах в исторических источниках нет. Но можно добавить, что греки, видимо слышавшие от фракийцев о набегах, совершавшихся на них с востока какими-то «киммерийцами», первоначально, надо полагать, называли так все туземное население побережий Понта Евксинского по ту сторону фракийских земель. Когда греки сами стали обосновываться на этих берегах, никаких «киммерийцев» они там не обнаружили, поэтому «киммерийцы» стало для них названием какого-

то могучего сказочного народа прошлого. Это греки назвали Керченский пролив «Боспором Киммерийским», это им принадлежат такие топонимы, как «Киммерия», «Киммерик» и т. п. Это типичные иноназвания, которые не несут подлинной этногенетической информации. Вообще же ни один народ не дает названия топонимам по своему собственному имени в местах собственного проживания. Мне уже приходилось замечать, что село «Русское» возможно в Казахстане или на Аляске, но не в центре России. Старая Русса, разумеется, не в счет: она была основана тогда, когда местные славяне еще не называли себя русскими.

В сущности говоря, и во всех остальных случаях, сейчас упоминавшихся нами, термины Κιμμεριοί , Gāmīr- , Gimirri , Gimirrāiu , несомненно, были иноназваниями, и у нас нет п р я м ы х данных о том, как эти «киммерийцы» себя называли. Но, имея в виду внезапность их появления из-за Кавказа в Передней Азии и отсутствие какой-либо переднеазиатской этимологии для терминов Gāmīr , Gimirri (ибо от семитского глагола *gmr «завершать, быть достаточным» и т. п. вывести эти названия нельзя), представляется вероятным, что это *иноназвание* было заимствовано у самих же киммерийцев и, таким образом, было и их собственным *самоназванием*. Это подтверждается тем, что не только народы Передней Азии, но и греки именовали их, по сути дела, тем же термином; между тем, если бы это иноназвание принадлежало бы к любому другому из вышеперечисленных типов, т. е. не было бы иноназванием, заимствованным из самоназвания, то греческое и переднеазиатское иноназвания были бы скорее всего различными. Так, греки Ἑλλήνοι – по-латыни Graeci , по-семитски lāwān- ; греч. Ἄγυπτος «Египет» – сем. Miṣr- ; греч. Φοίνικες «финикийцы» – сем. Ṣīdōnīm , Kənaʿānīm , арм. hay-k' – груз. somexi , сем. араб. ʿarməniā и т. п.

Существенно, однако, что греки называли киммерийцев хотя и тем же термином, что и аккадцы и другие народы Передней Азии, но с заменой /g/ на /k/. Такой переход для начальной фонемы этнонима чрезвычайно любопытен: мне неизвестны случаи, когда греческая к («каппа») воспринималась бы семитами как /g/ или когда семитское /g/ воспроизводилось бы греками как к. А это значит, что либо греческая, либо переднеазиатская сторона восприняла термин не непосредственно от самих киммерийцев, а знала о них еще до вторжения и получала о них известия от такого народа, в языке которого в историческое время либо *g перешло в *k, либо наоборот. Даже а priori вероятнее, что жители Передней Азии восприняли самоназвание в его исконной форме, поскольку именно они первые столкнулись с киммерийцами непосредственно – уже в VIII в. до н. э., в то время как греки непосредственно встретились с ними лишь од-

ним-двумя поколениями позже, но зато могли осведомиться о них и их происхождении заранее, у соседних народов: в начале VIII в. или раньше – у фракийцев, а с конца VIII в. – и у фригийцев.

В настоящее время датировка гомеровских поэм VIII в. до н. э. является общепринятой, и поэтому скорее всего автор «Одиссеи» знал о киммерийцах раньше, чем урарты и ассирийцы. Поэтому начальное /k/ в термине *Κίμμεριοι* нужно приписать какому-то языку-посреднику между тем, на котором говорили киммерийцы, и греческим.

Число языков древней Передней Азии и Балкан, в которых могло произойти явление перехода *g->k- в начальной позиции весьма ограничено. В отношении ранних хетто-анатолийских языков мнения расходятся: в то время как одни исследователи полагают, что они сохраняли и.-е. глухие и звонкие, другие считают, что они различали взрывные согласные только по напряженности или ненапряженности. В позднеанатолийских языках I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. звонкие взрывные мы встречаем, так что если и происходило изменение, то от глухих к звонким, а не наоборот. По существу, всерьез тут можно думать только об одной группе близких между собой языков: фригийском, фракийском и протоармянском. Все они происходили с Балкан; армянский передвинулся в Восточную Анатолию и далее на Армянское нагорье, как мы пытались показать в других работах, в XII в. до н. э.; фригийский – в Центральную Анатолию скорее всего в X в. до н. э., но не ранее XII и не позже IX в. до н. э.; отдельные группы фракийцев передвинулись в северо-западную Малую Азию между X и VIII вв. до н. э., но основная масса их оставалась в Европе, занимая примерно территорию нынешних Болгарии и Румынии.

Во всех трех языках произошел одинаковый сдвиг и.-е. взрывных согласных [см. 2 (эта книга пока остается лучшей работой по фракийскому); 7, с. 333 и сл.; 5, с. 158 и сл.; 8, с. 169 и сл.]. Факт этот несомненен, и такое утверждение остается в силе, даже если принять новейшую теорию Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, пересматривающую реконструкцию системы и.-е. взрывных. Даже если теория этих ученых типологически оправдана, тем не менее передвижение согласных в армянском – фракийском – фригийском (а также, вероятно, в албанском – иллирийском, а также германском) следует рассматривать не как пережиток праиндоевропейского состояния, а как вторичное развитие уже из «классической» системы праиндоевропейских согласных Бругмана-Мейе, которая, быть может, и выросла из той, которую теперь восстанавливают из типологических соображений Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов. Здесь не место углубляться в чисто лингвистическую дискуссию по этому вопросу; скажу только, что передвижение согласных в восточноиндоевропейских языках,

к числу которых принадлежат и три перечисленных, нельзя рассматривать в отрыве от другого фонетического изменения, охватившего эти языки, а именно от так называемой сатемизации. Если палатализованные и.-е. $g^h, g' > z, k' >$ глухое s , то очевидно, что сатемизации предшествовало положение, при котором действительно существовал требуемый классической теорией ряд g^h, g', k' , а уже не ряд g, k, k^h , требуемый новой теорией (иначе второй член ряда был бы глухим и потому дал бы $*s$, а не z); и если это верно для палатализованных (смягченных) взрывных, то это по необходимости должно быть верно и в отношении непалатализованных и лабиализованных (огубленных) взрывных, поскольку все они составляли единую систему.

Не входя далее в глубь лингвистических проблем, отметим лишь, что из всего этого можно сделать вывод о переходе и.-е. взрывных заднеязычных согласных в интересующих нас сейчас языках по следующей схеме:

Индоевропейские согласные	Иранские согласные	Фригийские согласные	Фракийские согласные	Древнеармянские согласные	Греческие согласные
g^wh, gh	$gh > g(и j)$	g	g	$g(и j)$	$\varphi(\vartheta)$
g^w, g	$g(и j)$	k	k	k	$\beta(\delta)$
k^w, k	$k(и \check{c})$	k, kh	$kh?$	k^c	$\pi(\tau), \kappa$
g^h	$z(и h)$	$\zeta(dz)$	$z(и d'?)$	$\zeta/dz/$	χ
g'	$z(и h)$	$\zeta(dz)$	$z(и d'?)$	$c/ts/$	γ
k'	s	s	$s(и t'?)$	s	κ

Отсюда ясно, что если бы киммерийский язык, как часто предполагали, был бы фракийским, то он мог бы передать начальное g - в своем самоназвании переднеазиатским языкам только в том случае, если бы эта фонема восходила к и.-е. $*g^wh$ -; но последнее никоим образом не было бы воспринято греческим ухом и воспроизведено как $/k/$, поскольку у греков была в распоряжении звонкая, а потом звонкая придыхательная фонема γ , правда исторически происходящая из и.-е. $*g'$ и соответствующая фракийскому ζ, d' , но зато гораздо лучше приспособленная для передачи погречески иноязычного $/g/$, $/g^wh/$ или $/g^w/$. Какие бы мы ни перебирали возможности, мы легко убедимся, что семитское g и о д н о в р е м е н н о греческое k могли появиться для передачи одной и той же фонемы в самоназвании киммерийцев только при соблюдении двух условий: 1) если киммерийцы не были фракийцами и 2) если греки восприняли это название через посредников, в языке которых имелся переход звонкого, огуб-

лѣнного или неогублѣнного и.-е. *g, *g^w>k. В свою очередь, это означает, что фракийцы узнали самоназвание киммерийцев еще тогда, когда сами сохраняли *g^(w), а передали его грекам уже тогда, когда произошел у них переход *g>k. *Terminus ante quem* для передачи грекам термина «киммерийцы» определяется, согласно «Одиссее», VIII в. до н. э.; к этому времени, как мы знаем по подлинным фригийским надписям, этот переход уже, безусловно, завершился в родственном фракийскому фригийском языке. Общелингвистические соображения заставляют думать, что одинаковый переход звонких взрывных в глухие во фригийском, фракийском и армянском – языках, во многих отношениях близких между собой, – является единой изоглоссой и потому должен был происходить в период близких контактов носителей этих языков и примерно синхронно. Между тем контакты были разорваны с уходом протоармян в Малую Азию, т. е., с нашей точки зрения (против которой за истекшие двенадцать лет не было сделано никаких возражений), в XII в. до н. э. Если, таким образом, переход звонких в глухие в группе языков «протоармянский – фракийский – фригийский» уже должен был происходить, а то и завершиться в XII в. до н. э., то отсюда, в свою очередь, следует, что киммерийцы существовали, носили с в о е известное и позже самоназвание и контактировали с фракийцами, во всяком случае, р а н ь ш е XII в. до н. э. Эта дата, возможно, покажется слишком ранней для арменистов, привыкших думать, что армянский язык сложился впервые лишь к ахеменидскому времени, в VII – VI вв. до н. э. (поскольку дата первого упоминания термина *Armina-*, Ἄρμίνιοι – VI в.), однако общность изоглоссы оглушения звонких непридыхательных взрывных в о в с е х т р е х упомянутых языках со всей неизбежностью требует р а н н е й датировки этого явления. Заметим еще, что ни в какой момент времени фракийцы не могли сами воспринять чужезычное /g-/ как свое /k-/; потому что фонема /g-/ во фракийском языке была всегда: когда старое /*g^(w)-/ оглушилось, то после его оглушения или, вернее, одновременно с ним возникло новое /g/ как отражение и.-е. п р и д ы х а т е л ь н о г о /*g^{<(w)}h-/. Поэтому, если бы фракийцы слышали самоназвание киммерийцев с его начальным /g-/ впервые лишь после передвижения непридыхательных взрывных, то они без всякой трудности могли бы произнести это /g-/; воспроизведя эту фонему как с в о е /g-/. Ведь то обстоятельство, что фракийское /g/ после передвижения соответствовало уже другой первоначальной и.-е. фонеме, чем у киммерийцев, не могло оказать влияния на непосредственное восприятие и воспроизведение фракийцами чужеземного /g-/, каково бы ни было его происхождение. Если же этого не произошло, и фракийцы, восприняв иноязычный термин от киммерийцев с фонемой /g-/, передали его впо-

следствии грекам в виде /k-/, то из этого с необходимостью вытекает, что восприняли они этот термин до передвижения взрывных согласных, а передали его уже после передвижения. Итак, фракийцы восприняли самоназвание киммерийцев с его начальным /g-/ тогда, когда в их собственном языке еще сохранялось и.-е. звонкое непрдыхательное *g^(w), еще не успевшее превратиться в /k/, точно так же, как существовало еще и и.-е. прдыхательное *g^(w)h, еще не успевшее превратиться в /g/. Другими словами, ясно, что фракийцы услышали самоназвание киммерийцев до армяно-фрако-фригийского передвижения согласных; и если – что почти несомненно – передвижение согласных происходило в этих трех языках примерно одновременно, то они услышали это название до XII в. до н. э., а передали его грекам, как мы уже знаем, не позже VIII в. до н. э., и к этому времени передвижение согласных уже наступило во фракийском; по фригийским же надписям мы знаем, что оно наступило тогда же и во фригийском, а сейчас анализ лувийских и урартских заимствований в древнеармянский с несомненностью показывает, что и в армянском оно тоже уже наступило не позже рубежа II и I тыс. до н. э. [9, с. 115 и сл.].

3. На каком языке говорили киммерийцы и что значит «киммерийцы»

К XII в. до н. э. индоарии были уже в Индии, а племена иранского языка, без всякого сомнения, занимали бо́льшую часть степей Евразии, а возможно, и Иранского нагорья. Поэтому гипотеза, согласно которой киммерийцы принадлежали бы к какой-либо кавказской или другой, совершенно уже исчезнувшей семье языков, крайне маловероятна. Не были они и фракийцами, так как в противном случае их самоназвание звучало бы с начальным k- как у греков, так и у жителей Передней Азии. Можно почти без всякого риска ошибиться считать, что киммерийцы говорили на одном из иранских диалектов³. Аргументация в пользу такого решения приводилась В. И. Абаевым, с которым автор настоящего доклада расхо-дится в деталях [1]. Но если киммерийцы говорили по-ирански, то в высшей степени вероятно, что и самоназвание их что-то значит по-ирански же. Попробуем установить, поддается ли оно убедительной этимологизации.

В принципе можно допустить, что в середине II тыс. до н. э. иранцы, подобно их ближайшим родичам – индоариям, все еще сохраняли различие между прдыхательными и непрдыхательными звонкими взрывными согласными. Первый согласный их самоназвания, однако, не мог быть прдыхательным *g^(w)h-, ибо в таком случае, воспринятый фракийцами,

он сохранился бы как *g- и в таком виде и был бы передан грекам. А раз он был передан грекам в виде /k/, то это означает, что в своем киммерийском оригинале интересующим нас звуком было *g^w- или *g- непридыхательное. Огубление, впрочем, не сохранилось в дальнейшем ни в иранских, ни во фракийских диалектах, и к тому же переднеазиатские народы не имели средств для передачи огубленного g^w- в своих языках. Так что, было ли там /*g/ или /*g^w/, для нас в данном случае безразлично. Никто до сих пор не обращал внимания на то, что слово или, вернее, словосложение *g^wā-m-īra- > gām-īr(a) легко понятно из древнеиранского, где оно должно (по В. А. Лившицу) буквально означать «обладающий действием хождения», «находящийся в движении». Иранские собственные имена такого именно типа нам неизвестны, и это наводит на мысль, что перед нами вовсе не этноним (который является разновидностью имени собственного), а имя нарицательное (апеллатив) со значением «подвижный отряд». Для имен собственных нехарактерны корневые варианты, но для апеллатива они вполне допустимы. Поэтому возможно и параллельное словосложение, но с нулевой ступенью корня: *gm-īra-. Поскольку же для семитских языков двусогласное начало является запрещенным звукосочетанием, то здесь закономерной передачей формы *gm-īra- будет *gimīr- или по закону Рейнер (долгий гласный + краткий согласный в аккадском и некоторых других семитских языках однозначны краткому гласному + долгий согласный) gimīr-(ī/āiu).

Сложнее объяснить греческую форму имени, но это и неудивительно, учитывая, что оно дошло до греков по крайней мере через одного иноязычного посредника. Теоретически мы ожидали бы формы Κῆμῖροι, *Κμῖροι (ни для фракийского, ни для греческого не противопоказано двусогласное начало). Между тем мы имеем Κμῖέροι. Это передача краткой формы *gmīra. Буква ε («эпсилон») может объясняться открытым произношением гласного /-i-/ , при этом весьма вероятно, что фракийский к VIII в. до н. э. уже потерял различие между долгими и краткими гласными. Именно это произошло в дальнейшем в армянском и, по-видимому, во фригийском (по крайней мере фригийский никогда не имел графических средств для различения долгих и кратких гласных); и это же давно предполагалось некоторыми из исследователей реликтов фракийского языка в топонимах и именах собственных. Труднее всего, конечно, объяснить первое -i- в Κμῖέροι. Приходится прибегнуть к гипотезе, что в определенных фракийских диалектах конкретно звукосочетание *km- было запрещенным, хотя вообще двусогласное начало слога (и слова) допускалось. Это не было бы единственным случаем в языках восточной индоевропейской периферии; вспомним, что греч. ἄκμῶν «наковальня» и др.-

инд. *áṣtān* «(каменный или металлический) небосвод», лит. *akmen-* совершенно неожиданно является нам в славянских языках как *камень*; сочетание **km-* вообще крайне нетипично для балто-славянской группы⁴ и, видимо, также для армяно-фрако-фригийской группы и.-е. языков.

Подтверждением нашей гипотезы о том, что термин «киммерийцы» вообще не являлся этнонимом, а означал «подвижный конный отряд ираноязычного кочевого населения евразийских степей», является то обстоятельство, что археологически киммерийцы не могут быть выделены из общей скифо-сакской массы. Если для Причерноморья и делались попытки, довольно неудачные, выделить особую «киммерийскую» культуру, предшествующую скифской, то в Передней Азии даже не делалось и попыток обнаружить материальные следы киммерийцев, отличные от скифских. Правда, совпадение языковых и археологически-культурных ареалов совершенно необязательно, но все же не бывает так, чтобы две этнические единицы, говорившие на разных языках, не имели бы вообще никаких различий, хотя бы незначительных, в области культуры.

С археологической точки зрения ни киммерийцы, ни скифы, вторгавшиеся в Переднюю Азию в VIII–VII вв. до н. э., не принадлежали к той археологической культуре, которая условно зовется «скифской»: в археологии это обозначение культуры Причерноморья и других евразийских степных областей, несущей уже недвусмысленные следы знакомства ее носителей с культурами древнего Ближнего Востока. Это культура вернувшихся с Ближнего Востока скифов, о которых говорит нам Геродот, и племен, испытавших их влияние. В период же, когда киммерийцы и скифы вторгались на Ближний Восток (киммерийцы – через Мамисон и Клухор, скифы – через Дагестан), в степях Евразии господствовали позднесрубная, позднеандроновская и другие родственные и синхронные археологические культуры. На Ближнем же Востоке вторгшиеся наездники оставили только так называемые «скифские» памятники; выделить среди них «киммерийские» комплексы никто не пробовал. А между тем со второй половины VIII до середины VII в. до н. э., в течение не менее двух поколений, киммерийцы были здесь грозной силой, едва не сокрушившей Урарту, на равных сражавшейся с Ассирией, сломившей Фригийскую державу и разорившей ионийские города; разбитые скифами остатки киммерийцев дали, однако же, Каппадокии ее армянское название Гамир-к' (<*Gāmīr-) – и вдруг никаких археологических следов?

Эта странность объясняется тем, что киммерийские памятники неотличимы от скифских и сходят за них. Начиная с VII–VI вв. до н. э. все народы Передней Азии называли термином *gimīrti* и т. п. все кочевые

племена с культурой (и, очевидно, языком) скифского типа, включая причерноморских скифов и среднеазиатских саков; имеется древнее этрусское воспроизведение греческого изображения скачущих киммерийцев в длиннейших остроконечных шапках, столь типичных и для скифов и саков, и стреляющих с коней назад на скаку через плечо. Отличаются они от скифов не более, чем потомки ирландцев – шотландские горцы-гэлы – от собственно ирландцев: они не носят шаровар. Но характер их стрельбы из лука со всей очевидностью показывает, что они пользовались и так называемыми «скифскими стрелами»; появление этих стрел надо рассматривать не изолированно, а в связи с введением определенной конно-стрелковой тактики, которую и применяли уже киммерийцы. Можно показать, что другие наконечники стрел, кроме «скифских», для этой тактики не годятся, но здесь нет возможности остановиться на этом подробнее. Кроме того, применение этой тактики предполагает также вторжение в Переднюю Азию через Кавказ, без женщин и обоза, как киммерийцев, так и «собственно» скифов; женщин похищали на месте, и это отразилось на инвентаре так называемых «скифских» погребений Закавказья и Ближнего Востока. Кстати сказать, и погребения эти часто находят там, где по историческим данным «собственно» скифов и в помине не бывало, например в Западной Грузии на выходах с Клухорского и Мамисонского перевалов (мне не раз уже приходилось указывать в печати, что путь непосредственно по Черноморскому побережью Кавказа был для киммерийцев недоступен).

Вполне понятно, почему все переднеазиатские народы называли все кочевые племена, говорившие на северо-восточно-иранских языках, термином «киммерийцы»; они имели дело именно не столько с самими племенами, сколько с «подвижными отрядами», *gāmīga-*, *gmīga-*, т. е. с дружинами всадников, налетавшими на отдаленные чужие страны. Они не могли надолго закрепиться в странах, населенных народами, обладавшими высокой цивилизацией, хотя передали некоторым странам и областям свои племенные названия или прозвища. Что касается греков, то они в Причерноморье натолкнулись на одно определенное племя – сколотов, или, что то же самое, скифов в собственном смысле слова (оба термина – только две транскрипции одного и того же самоназвания: одно – с передачей скифского множественного числа на *-t(a)*, другое – без него; одно – в архаической форме с фонемой *[-δ-]*, другое – в более поздней, где оно перешло в *[-l-]*). И этот термин «скифы» греки так же перенесли на все ираноязычные народы того же образа жизни (а тысячелетием спустя и на неираноязычные), как жители Передней Азии перенесли на них же то первое обозначение ираноязычных всадников, с которым они встрети-

лись, – существительное нарицательное имя «подвижной отряд», *gāmīga* или *gmīga*.

Ясно, что Геродотовы «скифы» и «киммерийцы» были отрядами двух хотя и близких по языку и культуре, но разных конкретных скифо-савромато-сакских племен. Одно из названий, *Σκύθαι*, *iškuza*, *ašguzāi*, *Aškənaz*, – это действительно племенное название < **skúða-ta*-, *Σκόλοτοι*. Подлинное же название племени, к которому принадлежал первый подвижной отряд, – «киммерийцы» Геродота, – вероятно, так и останется неизвестным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ссылок на источники мы здесь приводить не будем, так как все их можно найти в наших работах [3; 4 (см. указатели)].

² Есть еще др.-евр. *Gmḡ* в Библии с ошибочной масоретской огласовкой *Gōmār* вместо **Gāmēg* или (если из финикийского) **Gōmēg*.

³ Встречающееся в околонушной литературе, особенно в Азербайджане, утверждение о тюркоязычии скифов не заслуживает при современном уровне развития науки опровержения. Появившиеся недавно попытки отождествления скифов-пахарей со славянами (с целью удревнить генеалогию последних) с лингвистической точки зрения также не заслуживают внимания.

⁴ Сюда, конечно, не относится др.-рус. *къметъ* «воин», следует читать /*kŭmetī*/. Следовало бы выяснить, не фракийское ли заимствование слав. *камы* «камень». Ввиду длительности контактов фракийских заимствований в славянском должно быть много, но их пока, кажется, не искали.

ЛИТЕРАТУРА

1. АБАЕВ В. И. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.
2. ДЕЧЕВ Д. Характеристика на тракийския език. София, 1952.
3. ДЪЯКОНОВ И. М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. – ВДИ. 1951, № 2-4.
4. ДЪЯКОНОВ И. М. История Мидии. М.–Л., 1956.
5. ДЪЯКОНОВ И. М. Место фригийского среди индоевропейских языков. – «Древний Восток». Ер., 1976.
6. ДЪЯКОНОВ И. М. Предыстория армянского народа. Ер., 1968.
7. ДЪЯКОНОВ И. М. Хетты, фригийцы и армяне. – «Переднеазиатский сборник». I. М., 1961.

8. ДЬЯКОНОВ И. М., НЕРОЗНАК В. П. Очерк фригийской морфологии. – «Baltistica». Priedas 2. Vilnius, 1977.

9. GREPPIN J. A. C. Luwian Elements in Armenian. – «Древний Восток». III. Ер., 1978.

SUMMARY

The author points out the different value of «autonyms» (*Selbstbenennungen*) and «heteronyms» (*Benennungen durch andere*) of various ethnic groups for the reconstruction of their history. Several types of both types of ethnonyms are discussed. As a sample, the history of the term «Cimmerians» is presented, with an attempt to show (1) that this was originally an appellative meaning «mobile armed equestrian groups», (2) that the historical «Cimmerians» were linguistically a Scythian group.